

УДК 167, 168

Коммуникативная рациональность как сфера реализации аксиологической аргументации

Е. Н. Семеняко, аспирант*

Статья посвящена логико-методологическому анализу ценностных аргументативных структур коммуникации. Демонстрируется, что с утверждением коммуникативной рациональности познающий субъект трансформируется в аргументирующего субъекта. При рассмотрении аксиологических оснований в коммуникативных концепциях в статье выявлено, что идентификационные механизмы интеракторов не искажаются, так как аксиологические основания формируются за счет подбора аргументов согласно общности мировоззренческих структур. Следовательно, функция ценностных структур аргументации заключается в усилении критической социальной позиции. Более того, отмечается, что процессы глобализации и усиления социальной дифференциации не способствуют унификации жизненного мира, упрощая взаимодействие. Как результат, усиливается вариативность возможностей ценностной аргументации как процесса коммуникации, то есть усложняется сама социальная система благодаря конституирующей аксиологической составляющей аргументативной коммуникации.

Ключевые слова: аксиологическая аргументация; субъект познания; аргументирующий субъект; коммуникативная рациональность; средства коммуникации (медиа); общество; власть; генерализация; идентификация.

Communicative Rationality as the Sphere of Axiological Argumentation

E. N. Semeniako, Postgraduate Student

The method of using value structures of argumentation in communication is analyzed. Analysis shows that the subject of knowledge is transformed into a subject of argumentation as a consequence of the approval of communicative rationality. It is revealed that the identification mechanisms of interactors are not affected, since the axiological foundation formed by the selection of arguments according to the worldview of community structures. As a result, the function value structures of argumentation is to enhance the critical social position. Moreover, it is noted that the processes of globalization and social differentiation does not contribute to unification of the life-world and simplifies the interaction. Consequently, the variability of values argumentation capabilities as a communication process is increased. Therefore, due to a constitutive component of axiological argumentative communication social system is complicated.

Keywords: axiological argumentation; the subject of knowledge; the subject of argumentation; communicative rationality; media; society; power; generalization; identification.

В связи со становлением коммуникативной рациональности в научном поиске в контексте современного социального познания возрастает интерес к ценностной природе структур коммуникации. Поиск аксиологических оснований тесно сопряжен с процедурой аргументации. Оформление коммуникативной рациональности дает возможность в полной мере реализовать аргументационную схему с аксиологическими основаниями. Задача данной статьи заключается в осуществлении логико-методологического ана-

лиза ценностных аргументативных структур коммуникации с целью выявления их основного функционального предназначения в социальном познании.

Утверждение нового типа рациональности связано с творчеством Ю. Хабермаса, К.-О. Апеля, Н. Лумана и других авторов. По мнению К.-О. Апеля, трансформация кантианского трансцендентализма осуществляется непосредственно благодаря основным концептам в контексте вышеупомянутых тенденций современного социально-философского познания: «языковая игра» (поздний Л. Витгенштейн), «indefinite community of investigators» Ч. Пирса («неограниченное сообщество исследователей»), последнее понятие обобщается и видоизменяется Дж. Ройсом в «community of interpretation» («сообщество

* Аспирант кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ. Научный руководитель — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ Н. К. Кисель.

интерпретации»), а Дж. Мид называет это «community of universal discourse» («сообщество универсального дискурса») [1, с. 196]. Согласно К.-О. Апелю, особую роль приобретает аргументационный процесс, который всегда сопряжен с рефлексией философствующего над смысловой составляющей. Таким образом, познающий превращается в аргументирующего благодаря следующей трансцендентальной предпосылке познания: «В „синтезе апперцепции“, где Я одновременно полагает и свой предмет, и самого себя в качестве мыслящего, Я в то же время совпадает с трансцендентальным коммуникативным сообществом, каковое одно в состоянии подтвердить смысловую значимость собственного само- и миропознания» [1, с. 195]. Более того, К.-О. Апель отрицает тенденцию исследователей *logic of science* и следует кантовской установке, так как саму возможность существования социальных наук связывает с «трансцендентальной языковой игрой неограниченного коммуникативного сообщества» [1, с. 195].

О коммуникативной модели Н. Лумана следует сказать отдельно. Понимание Н. Луманом власти как средства коммуникации проясняет структуры процесса аргументации, включая феномен власти в теоретический дискурс различных подходов к пониманию и определению средств коммуникации.

Прежде всего нам бы хотелось обозначить точку зрения Н. Лумана на общество, то есть предъявить его определение общества. Так, для автора очевидно, что общество является «самоописывающимся объектом», а значит, в своем определении должно «содержать самого себя». Исходя из такой установки, общество самореферентно. Только в одном случае это возможно: «Лишь с помощью понятия коммуникации социальную систему можно мыслить как аутопоиетическую, которая состоит из элементов, а именно из коммуникаций, производящих и воспроизводящих себя посредством сети именно этих элементов, посредством сети коммуникации» [2, с. 32].

Коммуникация у Н. Лумана не сводима к действию, так как действие лишает систему самореференции. Но в таком случае, казалось бы, общество может оказаться изолированным. Цель коммуникации — реализовать свободную идентификационную схему, определяющую в целом схему дальнейших социальных трансформаций: «Каждое коммуникативное событие закрывает и открывает систему. И только вследствие этой бифуркации может иметь место история, ход которой зависит от того, какое направление будет избрано: „да“ или „нет“» [2, с. 33].

Как видно, именно коммуникация выступает у Н. Лумана движущей, динамической силой. Власть же автор понимает как одно из средств коммуникации, следовательно, власть является одним из основ его теории общества.

Общеизвестно, что в традиционном понимании общества следует учитывать две существенные особенности: теорию функциональной дифференциации общества на группы и подсистемы и теорию социокультурной эволюции. Оба этих пункта, согласно концепции Н. Лумана, взаимосвязаны: социокультурная революция усиливает дифференциацию общества. Языка как средства управления выборов возможностей в конкретном обществе недостаточно. Поэтому, помимо языка, в конкретном обществе еще существуют дополнительные учреждения, обеспечивающие селективные возможности социума в требуемом для него объеме.

В простых обществах селективная функция оснований обеспечивается языком в его непосредственном конструировании реальности. В обществе на таком этапе своего развития представляемого языком потенциала информации достаточно. Но в более развитых обществах, по Н. Луману, возникает необходимость совершенно иных средств коммуникации, организованных высокой степенью символической генерализации, которые во многом трансформируют и функции социального коммуникационного процесса.

Безусловно, что описанная способность эволюции общества к усилению его дифференциации также повышает потенциалы конфликта и консенсуса в нем. Обеспечивается это за счет дополнительных возможностей общества по учету все более и более разнообразных выборов, то есть посредством расширения вариативных возможностей. Это означает, что расширяются возможности выбора личностных и социальных установок, активизируемых аксиологической аргументативной коммуникацией. Такие установки задаются следующими параметрами: 1) темой аргументации; 2) личностными особенностями адресата; 3) социальной компонентой адресата; 4) личностью и социальной ролью аргументатора для адресата и т. д. На данный момент вследствие расширения коммуникации и возрастания степени ее социальной значимости усиливается интерес и к специальным коммуникативным кодам, которые обуславливают замыслы, цели и ожидания, ведущие к социальному успеху взаимодействующих индивидов. Такое положение дел также объясняет и интерес к средствам коммуникации, в которых и образуются специальные коды: «под коммуникативными кодами должна пони-

маться некая дополняющая язык инстанция. А именно код генерализированных символов, которые управляют процессом передачи селекции» [3, с. 16]. Существенными дополнениями к языку служат власть и истина. Язык обеспечивает интересубъективную понятность, мотивирует то или иное селективное достижение, объясняя саму возможность коммуникации только там, где отбор одного партнера является мотивацией для другого. В такой ситуации символические средства проявляют себя в качестве посредников коммуникативного процесса. Символические средства также включают в себя и аксиологические, и гносеологические параметры коммуникации.

Обозначая необходимые условия власти как средства коммуникации, надо отметить, что их следует рассматривать непосредственно с учетом характеристик и особенностей самой коммуникации. Наиболее существенной характеристикой для коммуникации, в том числе и для аксиологической коммуникации, является необходимая ориентация на партнера. Без таковой не может осуществляться и процедура ценностной аргументативной коммуникации. Коммуникация не имеет смысла без взаимоприемлемости. Такой принципиальный момент ориентации на Другого лежит в аксиологических основаниях позиции аргументирующего субъекта. В данном контексте определяются изначальные установки участников коммуникативного взаимодействия — *взаимобусловленность*. Позиции коммуникантов, которые формируют аксиологические основания, составляющие мировоззренческий базис участников коммуникации, направляют сам процесс.

Следующим логическим шагом является непосредственно трансляция селекции, которая, в свою очередь, осуществляется через символы. Символы служат замещением исходного контекста селекции. В таком случае сфера ценностной аргументативной коммуникации, очевидно, оформляется пространством различного рода кодов. В соответствии с такой особенностью выкристаллизовываются основные задачи коммуникативных средств: поиск топоса ситуативной ориентации; комбинирование кодов коммуникативного процесса; выявление наличной неидентичности селекции. Приведенные нами задачи в конечном итоге адресуются процедуре аргументативной коммуникации, направленной на преодоление диссенсуса. Устранение несогласия возможно только благодаря процедуре убеждения оппонентов. Аксиологически аргументируемое убеждение должно основываться на выявленной

очевидной общности ориентаций участников аргументации. В таком отношении к коммуникативному процессу необходимо присоединить специфические проявления власти как средства коммуникации у Н. Лумана. Задача обладающего властью в конкретной ситуации — устранить неопределенности, возникающие в результате неидентичности селекции при их сопоставлении: «Фундаментальное условие всякой власти состоит поэтому в том, что в отношении селекции, осуществляемой властью имущим Альтером, возникает некоторая неопределенность. Альтер всегда выбирает — безразлично, на каком основании — из нескольких альтернатив. При совершении своего выбора он может поселить в своем партнере неуверенность либо устранить ее» [3, с. 18]. Устранение неуверенности — это формирование убежденности в обозначенном тезисе через систему аргументов.

В этом контексте следует отметить, что в таком понимании власть никоим образом нельзя сводить к асимметрии отношений. В коммуникации, где власть предстает ее средством, по отношению к Эго, подчиненному чуждой власти, предоставляется настойчивая открытость перспектив по отношению к разнообразным возможностям действия: «Власть предлагает результаты предпринятого ею отбора и благодаря этому оказывает влияние на селекцию действий (или бездействия) подчиненных перед лицом других возможностей. Власть становится более могущественной, если она оказывается способной добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия или бездействия. С увеличением свобод подчиненных она лишь усиливается» [3, с. 18].

Н. Луман настойчиво убеждает в отсутствии феномена принуждения в его концепции власти. Ведь при принуждении власть как коммуникативное средство теряет свою опору и особенность, которая заключается в такой ее отличительной характеристике, как селективность. Селективность выступает в контексте аксиологических структур аргументации вариативностью, из которой выбирается валидный аргумент. Власть, основанная на насилии, сводит к нулю как возможности властвующего, так и, тем более, возможности подчиненного. Главное свойство власти в коммуникативной концепции Н. Лумана — рефлексивная координация процесса селекции Другого. В контексте рассмотрения концепции с позиции аксиологической аргументации управляющим или обладающим властью выступает именно аргументатор. Он выбирает аргумент с наибольшим удельным весом в контексте воз-

возможных в рамках заданной селективности. Аргументатор в процессе коммуникативной процедуры намерен убедить адресата, то есть изменить его взгляды. Такой аспект властных отношений наиболее существенен и актуален в контексте усложнения и углубления дифференциации современного общества. Н. Луман настаивает на том, что проявление власти как насилия доказывает лишь ее недостаточность. Эффективность власти определяется обоюдным усилением степени свободы участников властных отношений.

В концепции Н. Лумана власть сохраняет себя в каузальности, осуществляется в управлении и наделяет осуществляющего привилегированным положением по отношению к подчиненному за счет приобретаемой привилегии в селекциях. Однако власть ни в коем случае не является диспропорциональной в своем проявлении, ибо она в современном обществе рассматривается в качестве генерализованного системного средства коммуникации. Это позволяет нам выводить рассмотрение проблемы в совершенно иную исследовательскую плоскость, обращаемую к аксиологическим структурам в аргументативной коммуникации в социальном контексте дискурса власти.

Как уже отмечалось выше, значение власти как средства коммуникации заключается «в трансляции редуцированной комплексности» [3, с. 22]. Следовательно, взаимообусловленные зависимости, возникающие в процессе коммуникации между партнерами, задаются посредством символов. Как известно, пространство символов оформляется культурой, в процессе эволюции которой символы стремятся к совместимости со все более вариативными состояниями системы селекции. В процессе трансляции взаимообусловленных селекций власть стремится к ограничению последних по отношению к властвующему, что связано с задачей убедить партнера в правдоподобии определенной системы взглядов. Однако власть в данном контексте ни в коей мере не ограничивает волю подчиненного. В осуществлении власти важным является непосредственная социальная ситуативность процесса принятия решения адресатом в результате аргументации. В данном аспекте функция власти опирается на уже оформленные каузальные связи. Власть предстает как символически генерализованное средство коммуникации, а ее основной функцией является функция катализатора, оформляющая соответствующую аксиологическую модальность социальной ситуации. Аксиологическая аргументация в таком случае строится на подборе аргументов согласно общности мировоззренческих ориента-

ций. Этот факт позволяет нам заявлять, что идентификационные механизмы партнеров не искажаются.

Социальная ситуация, основанная на обоюдной селективности, не всегда образует явно прослеживаемые общие места. В таких социальных ситуациях взаимодействие интересов может быть найдено не сразу в силу излишней специализации и дифференциации селекций. Тогда на помощь и приходят генерализованные средства коммуникации с целью определения пространства поиска направлений в принятии результативного решения. Власть в таком случае наделена функцией трансляции селекций. Она в таком представлении — это никак не способность и не качество одного из участников властного отношения. Рассмотрение власти через коммуникативный аспект проблемы наделяет ее функцией трансляции селекций. Власть катализирует разрешение образовавшейся противоречивой социальной ситуации посредством установления различия между генерализованным кодом и селективным процессом. Аргументативная коммуникация, таким образом, благодаря ценностным структурам оказывается способной к разрешению социального противоречия посредством изменения взглядов и поведения участников такой процедуры.

В сравнении с Ю. Хабермасом коммуникация в концепции Н. Лумана описывает саму автопоэтическую операцию, на основе которой организуется общество. Общество у Н. Лумана не сводимо к социальному либо к любому другому действию, а является самовоспроизводящейся системой. Автопоэзис обеспечивается именно коммуникацией. Таким образом, общество описывается как социальная система, включающая в себя все коммуникации, содержащие смысл, и всегда образующаяся после того, как реализуются предыдущие коммуникации.

Социальная система у Н. Лумана предстает как альтернатива всем ранее существующим моделям, так как состоит не из людей или действий, а исключительно из коммуникаций. Аксиологическая аргументативная коммуникация в такой интерпретации, как и у Ю. Хабермаса, выполняет конституирующую функцию.

Коммуникация связывает в одно целое три различные части: информацию, общение и понимание. Именно понимание достижимо, как показал Ю. Хабермас, посредством ценностной аргументативной коммуникации. Результатом такой коммуникации является заключенная между актерами договоренность, достигнутый консенсус, имеющий реальную социальную силу.

Пространство коммуникаций, как обосновывает Н. Луман, является сферой взаимного влияния. Так как власть определяется им как символически-генерализированное средство коммуникации, то «власть представляет собой жизненно-мировую универсалию сосуществования общества» [3, с. 139]. В рамках теории коммуникативных средств Н. Луман описывает власть как такое средство. Нарастающая дифференциация общества предполагает и рост комплексности интерсубъективно конституированного мира. Условия такого усиления заключены в рамки кода медийного средства, а последнее, как мы знаем, и есть власть. Н. Луман уточняет, что источником усиления всех возможностей власти является генерализация символов: «Под генерализацией следует понимать обобщение смысловых ориентаций, делающее возможным фиксацию идентичного смысла различными партнерами в различных ситуациях с целью извлечения тождественных или сходных заключений» [3, с. 52]. Генерализацию, на наш взгляд, и следует понимать как процедуру аксиологической аргументации, основанной на самоидентификационных механизмах партнеров аргументативной коммуникации.

Полученная возможность фиксации идентичных смыслов посредством генерализации, которая сопутствует любому средству коммуникации (как власти, так и языка и истины), предоставляет относительную свободу интеракторам от ситуации. Происходит редуцирование в каждом отдельном случае самого усилия субъекта по производству и оценке информации. Также это избавляет от полной необходимости переориентации при переходе из одной ситуации в другую, так как оценка возможна на основе сформированной позиции интерактора, в структурах которой локализируются аксиологические основания самой интеракции.

Генерализация в итоге способствует преодолению неопределенности и одновременно дает возможность формирования взаимных ожиданий и поведения на основе этих ожиданий. Но генерализация несводима к предписанию и упрощению самого поведения в той или иной социальной ситуации. Сам код, безусловно, непластичен, детерминирован, но поведение в ситуации преодолевает эту жесткость кода, так как оно задается поливариативностью применения установленных кодов.

Если код — это результат некоего обобщения смысловых ориентаций, то символ во власти как в генерализированном средстве коммуникации — это упрощенное выражение некой комплексной

интерактивной ситуации, которая в результате символизации переживается как единство.

Таким образом, власть как средство коммуникации нуждается как в генерализации, так и в символизации, потому что описанные выше конститутивные условия власти, которые выделяет Н. Луман, не могут непрерывно тематизироваться в сознании обеих сторон. Формы выражения власти у субъекта коммуникации, по описанию автора, могут варьироваться подобно активизируемым в процессе аксиологически аргументативного убеждения личностным и социальным установкам.

Являясь символически генерализированным средством коммуникации, власть представляется в концепции Н. Лумана как некая модальность коммуникативных процессов. Посредством властной модализации коммуникации субъект не растворяется в теоретической абстракции такой модели — напротив, его необходимость предопределена выражением возможности, потенции коммуникативной ситуации. Власть оказывается соединенной в единстве со своим субъектом в плане определения кодов власти и символизации наличной интерактивной ситуации, в которые и вписывается процедура ценностной аргументативной коммуникации.

При рассмотрении аксиологических оснований в коммуникативных концепциях было выявлено, что представленные варианты исследований аргументативных структур в дискурсе власти посредством коммуникации означают тенденцию усиления взаимодействия социального и культурного благодаря поиску единого топоса аксиологических оснований. Социальную реальность и включенные в нее процессы аргументативной коммуникации невозможно рассматривать вне конкретной социальной и культурной взаимоприемлемости индивидов. Процессы глобализации и усиления социальной дифференциации не способствуют унификации жизненного мира, тем самым упрощая взаимодействие. Напротив, усиливается вариативность возможностей ценностной аргументации как процесса коммуникации, то есть усложняется сама социальная система благодаря конституирующей функции аксиологической составляющей аргументативной коммуникации.

Таким образом, в контексте логико-методологического анализа ценностных аргументативных структур коммуникации стало очевидным, что аксиологические структуры являются средством реализации социального протеста, направленного на защиту от деформации механизмов функционирования жизненного мира. Деформация этих

механизмов связана с утверждением властного контроля над средствами массовой информации. Так как аксиологические основания формируются на основе подбора аргументов согласно общности мировоззренческих структур, то идентификационные механизмы интеракторов не искажаются. Следовательно, манипуляция средствами массовой информации оказывается несостоятельной. Еще одна функция ценностных структур аргументации, таким образом, обнаруживает способность усиливать критическую социальную позицию. Также аксиологические аргументативные структуры коммуникации являются средствами реализации эффективного взаимодействия различных со-

циальных структур, что позволяет подойти более детально к пониманию природы социальности.

Список цитированных источников

1. *Апель, К.* Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук / К. Апель // Трансформация философии. — М., 2001. — С. 193—236.
2. *Луман, Н.* Понятие общества / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. — СПб., 1994. — С. 25—42.
3. *Луман, Н.* Власть / Н. Луман. — М., 2001.

Дата поступления в редакцию: 03.09.2013 г.